

Гости в медвежьих шкурах

Алахчит Алтан Борджигин

Впервые за очень много лет Алахчит позволила себе разрыдаться, когда, наконец, этот день закончился, но даже плакать пришлось так, чтобы не разбудить Цэрэн, что уже спала. Никогда еще Алахчит не чувствовала себя такой одинокой, как сегодня - вокруг были сотни Лис, но никто из них не мог ей ничем помочь. Даже дядька Оронар, который всегда говорил правильные вещи, не смог бы дать ей то, что ей было нужно. А нужно было всего лишь почувствовать, что она не одна против всего мира.

Она поговорила с зайчихой, которая смогла рассказать свою версию произошедшего только когда успокоилась, а случилось это далеко не сразу. У Алахчит не было оснований не верить девочке - кто-то из заговорщиков, Менгу или Унур, подсунули ей чужие украшения и взамен за молчание потребовали услугу, которая заключалась в том, чтобы опоить Санджара и скомпрометировать его. Вместо этого Менгу и Унур сдали самих себя. Алахчит заверила, что Оюун по-прежнему в глазах Лис не потеряли ни чести, ни уважения, и зайчихи несколько успокоились.

А Алахчит, наоборот, еще долго не могла заснуть, даже когда слезы иссякли, а подушку пришлось перевернуть влажной стороной вниз. Она по-прежнему не знала, что ей делать с медведями. Даже совет с ее старейшинами ничего ей не дал - решения у них не было.

Алахчит Алтан Борджигин

Наутро, едва Алахчит смыла с лица следы вчерашних слез и впихнула в себя скромный завтрак, прискакал разведчик с новостью, которая заставила Алахчит ощутить, как испуганно замерло на одно мгновение ее сердце: Медведи были меньше, чем в половине дневного перехода от ставки. Алахчит уже пожалела о том, что отослала Санджара в Мурэн - сейчас он стал бы единственным, кого бы она хотела видеть. Оронар ничего не ответил ей на вопрос, как отреагировал Санджар на поручение, и она могла только гадать, в каких отношениях они расстались, или, может быть, это стало последней каплей, что все разрушило между ними. Алахчит была достаточно проницательна и умна, чтобы почувствовать - Эрдэнэ-ханум ее не одобряет. Может быть, все сложится к лучшему? Может быть, медведь будет не таким уж и плохим мужем?

Она снова ощутила, как на глаза наворачиваются слезы, и запретила себе рыдать, чтобы не встречать гостей с опухшими красными глазами. Она велела всем быть готовыми к принятию гостей и надела свое лучшее праздничное платье, которое отец привез ей из Улан-Батора на прошлый День Рождения, и самые красивые украшения.

Алахчит Алтан Борджигин

Цэрэн и прочие женщины готовились весь день, чтобы все было готово. К тому моменту, когда первые всадники вступили на стоянку, Алахчит уже встречала гостей

возле своего гэра вместе с ханами. Пришлось выпустить из-под стражи Менгу и Унура, чтобы у медведей не возникло лишних вопросов. Она предателя должны были присутствовать при встрече, но выглядели они нервно, Алахчит часто ловила на себе их взгляды.

Она заставила себя улыбаться радушно, стоять гордо, никак не выдавая себя, что внутри все дрожит, как овечий хвост. Она попыталась угадать, который из них - ее жених, кто приехал свататься, но на них была дорожная одежда, да и по традициям не сватаются, едва-едва спустившись с коня. Она лишь узнала, что нескольких медведей раньше уже видела, когда ездила в горы.

Алахчит поприветствовала дорогих гостей, обменялась с одним из них, представившимся Есугэй-хааном, средним сыном Хайсан-хаана, хана клана Медведей, вежливыми разговорами ни о чем - о погоде, лошадях и дороге. Выразила свою безграничную радость от их приезда и предложила отдохнуть и переодеться с дороги, а через час встретиться в ее гэре, чтобы отпраздновать прибытие как положено.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит едва хватило часа, чтобы успокоиться и прийти в себя. Она даже попросила у лекаря успокаивающий отвар, чтобы не так нервничать. Даже перед решающей битвой с шакалами она волновалась намного меньше. А может, потому, что была не одна? Что рядом был Санджар-гуай, и потому ей было так спокойно, не в пример спокойнее, чем сейчас? Алахчит зажмурилась до боли, запрещая себе о нем думать. Не сейчас. Тем более, что гости снова объявились.

На вид Есугэю можно было дать чуть больше тридцати. Он носил усы, косматую бороду и длинные волосы, заплетенные в несколько кос по монгольскому обычаю. У Алахчит невольно сжалось сердце - в его чертах она видела черты совсем другого мужчины. Только по сравнению даже с крепким дядькой Оронаром Есугэй казался попросту гигантом. Медведь, вставший на задние лапы.

Долго и пространственно обменивались пожеланиями здоровья, богатства, чтобы кобылы жеребили только сильными, здоровыми жеребятами, чтобы зимы были не такими долгими и суровыми, чтобы летом пастбища уродились богатыми, и все в том же духе. Это могло бы продолжаться до бесконечности, как и количество выпитых за здоровье ханов пиал с айрагом - для Алахчит его сильно разбавляли - если бы медведи, приехавшие сюда вместе с Есугэем, не начали вносить в гэр ларцы, сундучки и шкатулки.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит вполне правдоподобно изобразила волнение, как и большая часть присутствующих. Кроме, как заметила она, все тех же Менгу и Унура. Она усадила их неподалеку от себя и велела Оронару не спускать с них глаз. Здесь они не посмеют творить глупости. Есугэй поднялся. Несмотря на количество выпитого, он крепко стоял на ногах.

- Теперь, когда все необходимые слова сказаны, Алахчит-хаан, перейдем к самому важному, - начал он. У него был какой-то глухой и рычащий голос, который

несколько заглушал и густая борода в том числе. Казалось, что он говорит всем своим мощным телом.

- Был у нас уговор с ханами Менгу и Унуром, что передадут они тебе мое пожелание взять тебя в жены, - Менгу издал такой звук, будто подавился кумысом. По гэру прокатились шепотки удивления. Алахчит мстительно подумала, что не спрашивать у Менгу принесло свои плоды. Доверие к ним, если каковое и оставалось оказалось подорвано окончательно. - Теперь я спрашиваю твоего решения.

Алахчит тоже поднялась, хотя колени у нее тряслись.

- Есугэй-хаан, не скрою, предложение твое все же стало для меня сюрпризом. Видимо, запомнили Менгу-хаан и Унур-хаан передать мне твои слова, - она подала знак Оронару, и несколько человек вывели Менгу и Унура из гэра. - Прошу, прости мне неуважение моих нойонов, я приму меры, чтобы впредь подобного не повторилось.

Есугэй хмурился - кустистые брови на его лице шевелились, словно живые. Алахчит подумала, что, наверное, скорее умрет, чем выйдет за него замуж.

- Тогда решай сейчас, Алахчит-хаан, - напомнил Есугэй, какой-то юноша из-за его спины вынес ларчик и открыл его - конечно же, хадак. - Союз этот сделает наши кланы сильнее, и я не обижу.

Алахчит замолчала, лихорадочно думая, как ей выкрутиться. Ей нужно несколько дней отсрочки, прежде чем она даст свой ответ. Если она так ничего и не придумает, то согласится.

- Прости мне мою робость, Есугэй-хаан, пойди навстречу, дай несколько дней на раздумья. Хотела бы узнать тебя я получше за это время, как принято у моего народа. Ведь замуж выходить - не Ханство принимать, то шаг ответственный и важный для каждой девушки, - смущенно добавила она. Ханы по-доброму расхохотались - эта шутка показалась им весьма подходящей. Кто-то из медведей со смехом обратился к Есугею, чтоб не упирался, все же не простую девчонку в жены берет, а Великого Хана.

- Будь по-твоему, Алахчит-хаан, не буду требовать ответ сейчас. Не зря говорят, хитра ты, как лисица, ты б и самого Тенгри упросила бы повременить с грозой. За Алахчит-хаан!

Алахчит улыбнулась и приподняла свою чашу с жидким кислым айрагом над столом. Больше всего ей хотелось оказаться далеко-далеко отсюда в объятиях Санджара.
